

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 147–158.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 147–158.

Научная статья / Original article

УДК 82.091

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-147-158

«БОБОК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ТЕМА АДА НА ЗЕМЛЕ

Екатерина Андреевна Гуреева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, eagureeva@hse.ru

 Аннотация. В статье рассмотрен образ ада на земле в рассказе «Бобок» Ф. М. Достоевского в сравнении с «Адом» Данте, Откровением Иоанна Богослова, «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя, «Записками из Мертвого дома», «Преступлением и наказанием» и другими ключевыми произведениями мировой литературы, в которых в той или иной степени разрешается проблема посмертного существования, вечности и бессмертия. На основе сопоставительного анализа выделяется несколько мотивов, символов и тем, которые помогут охарактеризовать ад на земле: сон, шум, смрад, беспорядок и хаос, которые в конце концов объединяются в сумасшедший мертвый дом, находящий отражение в реальной жизни в конкретных инстанциях — доме для душевнобольных, каторге, Санкт-Петербурге и России в целом.

© Гуреева Е. А., 2022

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бобок», ад, Данте Алигьери, Н. В. Гоголь

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гуреева Е. А. «Бобок» Ф. М. Достоевского и тема ада на земле // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 147–158. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-147-158.

Literature. Philosophy. Religion

“BOBOK” BY F. M. DOSTOYEVSKY
AND THE THEME OF HELL ON EARTH

Ekaterina A. Gureeva

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, eagureeva@hse.ru

Abstract. The article examines the image of Hell on Earth in the story “Bobok” by F. M. Dostoevsky in comparison with Dante’s “Inferno” (“Hell”), the Revelation to John, “Dead Souls” by N. V. Gogol, “The House of the Dead”, “Crime and Punishment” and other key works of world literature, in which, to some extent the problem of posthumous existence, eternity and immortality are solved to some extent. A comparative analysis highlights several motifs, symbols and themes that help to characterize Hell on Earth: sleep, noise, stench, disorder and chaos, which ultimately combine into a mad dead house, reflected in real life in specific instances — a house for the mentally ill, penal servitude, St. Petersburg and Russia in general.

Keywords: F. M. Dostoevsky, “Bobok”, hell, inferno, Dante Alighieri, N. V. Gogol

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Gureeva, E. A. (2022) “‘Bobok’ by F. M. Dostoevsky and the Theme of Hell on Earth”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 147–158. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-147-158.

Целью настоящей работы является анализ рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок» [Достоевский, 1980] с точки зрения выявления в нем инфернальных элементов в земном существовании, сопоставления их с проявлениями и иллюстрациями ада в других значимых произведениях мировой литературы, а также с другими сопутствующими мотивами, образами и эпизодами.

Ад на земле как сон

Сон всегда воспринимался людьми как нечто особенное, подобное реальному и одновременно не являющееся реальностью, нечто мистическое, не поддающееся однозначной трактовке, что принадлежит пространству *там*, не здесь. В этом смысле он близок к пониманию людьми жизни после смерти: сон — это или маленькая смерть, или, наоборот, нечто превосходящее жизнь. Неудивительно, что в литературе и философии феномену сна выделялось значимое место.

В контексте рассмотрения темы ада на земле и рассказа «Бобок» категория сна будет занимать одну из ключевых позиций: описание ада, загробной жизни сродни видениям, пророческим снам, опыту «мерцания», которые доступны людям.

В рассказе «Бобок» диалоги мертвецов на кладбище обрамляются следующими описаниями: «Надо полагать, что я долго сидел, даже слишком; то есть даже прилег на длинном камне в виде мраморного гроба. <...> И тут я вдруг чихнул. Произошло внезапно и ненамеренно, но эффект вышел поразительный: всё смолкло, точно на кладбище, исчезло, *как сон*¹» [Достоевский, 1980, с. 44, 53]. Всё описанное в рассказе похоже на фантазию, сон, видение, которые лишь показались литератору, задремавшему на кладбище.

Так начинается и «Ад» Данте:

Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько *сон* меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

[Данте, 1967, с. 9]

¹ Здесь и далее во всех цитатах курсивом выделены слова, подчеркнутые автором настоящей статьи. — *Примеч. ред.*

Мистический сон, описанный Данте и Достоевским, воспринимается как то, что существует на самом деле, оправдывая существование ада, — той неизвестности, которая пугала людей. Бог будто посылает сны так же, как посылал избранникам в Ветхом Завете, чтобы люди смогли через уста творцов — людей рефлексирующих, не боящихся узнать, что *там*, — услышать его предупреждения и предостережения².

Достоевский и в других своих произведениях выбирает сон в качестве выражения мыслей о конце света, Страшном суде, аде. Вспомним хотя бы сон Раскольникова на каторге:

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной морской язвы, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. <...> Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные...

[Достоевский, 2018, с. 583–584]

Разве не происходит так сейчас на самом деле? Разве это всё где-то там, а не здесь?

Как Данте, как герои Достоевского, засыпал и Чичиков в поэме Гоголя «Мертвые души», которая парадигмальным образом похожа на «Божественную комедию» своим описанием путешествия по аду [Кантор, 1988, с. 217]: «Как полусонный, бродил он без цели по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, *во сне* ли все это делается или наяву заварилась дурь почище сна» [Гоголь, 1951, с. 213].

---

² С этой точки зрения интересна конфронтация со словами Б. Л. Пастернака: «Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну» [Пастернак, 2004, с. 168]. Творец должен всегда бодрствовать, чтобы успеть за короткий человеческий век облачить в слова, обессмертить столь многое.

Люди на том свете, во снах, продолжают жить, «предаваясь порокам постороннего мира» [Кантор, 2021, с. 566]. В «Бобке» Авдотья Игнатьевна и Тарасевич, давно уж почившие, ведут сладострастные речи о юношах и молоденьких «блон-ди-ночках» [Достоевский, 1980, с. 47–50], как будто мечтая заполучить энергию молодости и жизни; мертвец-лавочник, недостойно копивший, который у Данте расположился бы в четвертом кругу ада, продолжает и в могиле разыскивать долги [там же, с. 45]; а генерал Первоедов так и остается гордецом, превозносящим чиновничество [там же, с. 52–53].

Ад — это жизнь в смерти, это кабаки и веселье, желание обнажиться и бесстыдствовать, желание быть своим среди безумств, не воспринимающихся так.

Ад на земле как сумасшедший мертвый дом

Так получается, что ад и безумие идут рука об руку, сон находится с ними рядом³. В «Бобке» тема сумасшествия постоянно появляется и в словах, и в художественных приемах (например, парцелляция): «Я не обижаюсь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. <...> Читаю: “Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо”. <...> А на счет помешательства, так у нас прошлого года многих в сумасшедшие записали» [там же, с. 41–42].

Наличие мотива безумства в контексте жизни после смерти, в контексте рая и ада также важно. Рассказчику в «Бобке» не случайно дана характеристика безумца. Он, как и Данте, безумен, потому как ему открыты тайны мира теней:

И если я сойду в страну теней,
Боюсь, безумен буду я, не боле.
[Данте, 1967, с. 15]

Если он расскажет людям о том, что видел сон о жизни после смерти, если скажет, что побывал в аду, то его сочтут сумасшедшим. И жизнь среди людей, которые не хотят понимать и принимать пророка, заглушая его слова криками, и сумасшедший дом, в который, например, упекли мастера в романе Булгакова, становятся каторгой и персональным адом.

³ Например, состояние лихорадки, в котором перемешиваются реальность и вымысел, сон и бодрствование.

Ад как шумное место

В том же смысле борьбы поэта, творца и толпы⁴ примечательно и противоборство тишины, молчания и шума. Например, в главе «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» ответом на громогласную тираду инквизитора является молчаливый поцелуй Христа:

Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его *молчание*. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и *тихо*, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг *молча* приближается к старику и *тихо* целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ.

[Достоевский, 1993, с. 285]

По сути, этот поцелуй повторяет поцелуй Иуды, переворачивая его смысл. Христос молча прекращает речь инквизитора, «запечатывает уста, изрекающие ложь, возвращая им достоинство молчания» [Эпштейн, 2005], и отвечает на его слова этим молчаливым действием⁵. Молчание в этом случае является символом веры, а тишина становится символом рая, ведь на отступничество инквизитора, на его ложное слово можно ответить только той любовью, что превыше слов.

Христос в поэме Ивана появляется молча («У меня на сцене является он; правда, он *ничего и не говорит* в поэме, а только появляется и проходит» [Достоевский, 1993, с. 269]; «Он *молча проходит* среди них с *тихой улыбкой* бесконечного сострадания» [там же, с. 270]). Сам инквизитор заставляет его молчать («— Это ты? Ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: — *Не отвечай, молчи*»), как молчал он сам очень долгое время («Тут дело в том только, что старику надо высказаться, что, наконец, за все девяносто лет он высказывается и говорит вслух то, о чем *все девяносто лет молчал*» [там же, с. 272]). Это нужно Достоевскому, чтобы показать силу молчания, преобладающую над любыми речами, над действительностью, людьми. Молчание лучше отвечает неопределенности мира и имеет меньшие риски задеть истину [Бибихин, 2002, с. 32].

⁴ В Откровении Иоанна Богослова: «...Великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!» (Откр. 7:9–10).

⁵ С этой точки зрения интересно, что существует формула «молчание — знак согласия». Молчанием адресат может дать понять, что он не будет препятствовать действиям говорящего, но не хочет нести за них ответственность. Тогда молчание — это знак самоустранения, а не согласия.

Молча и смиренно переносить страдания могут только святые, в аду же всегда шумно:

Там вздохи, плач и исступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики

Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.

[Данте, 1967, с. 18]

Шум этот часто прерывает тишину, пугая «пророков», не давая им сбросить бранный шум, чтобы увидеть сны о неизведанном:

Ворвался в глубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул, и я очнулся вдруг,
Как человек, насильно пробужденный.

[Данте, 1967, с. 22]

Или становится частью этого неизведанного, как в «Бобке» катавасия становится неотъемлемой частью жизни после смерти, как в «Записках из Мертвого дома» крики, визги, ругань — одна из частей ада, воплощенного в пространстве бани, невысказанного без этого шума [Достоевский, 1972, с. 98].

Ад как смрадное место

Вобрав в себя всё самое неприятное, ад является и местом зловонным. В пользу того, что ад — на земле, говорит тот факт, что и Данте, и мертвецы в «Бобке», и Горянчиков чувствуют дурные запахи, смрад, вонь:

Откуда тяжкий доносился смрад.

<...>

И тут от вони едкой и густой,

Навстречу нам из пропасти валившей.

[Данте, 1967, с. 50–51]

— Довольно глупо. Ну а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь?

— Это... хе-хе... Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться...

[Достоевский, 1980, с. 51]

Неприятные запахи, грязь — это всегда то, что присуще человеческому миру, земному, чего у людей нельзя отнять, чего уже и нельзя отнять у пространств, в которых существуют люди:

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная *летняя вонь*, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. *Нестерпимая же вонь* из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины.

[Достоевский, 2018, с. 6]

Вонь нельзя отнять и у пространства ада, и у грехов, вроде сладострастия, разврата, и у мертвецов и разлагающихся тел. Потому-то в контексте темы ада на земле постоянные упоминания зловоний важны: люди, живые люди, разлагаются, становятся живущими и мертвыми одновременно, не осознавая, что это их наказание⁶, а не образ жизни [Кантор, 2021, с. 586].

Ад как хаос и беспорядок

Один из департаментов ада на земле — Россия, погрязшая в хаосе, в русском хаосе, мифологом которого стал Достоевский [Тиме, 2011, с. 227]. Беспорядок и хаос — это то, без чего немислимы эсхатология и вечное существование. Однако без гула, шума, смрада, безумия немислимы хаос и конец света.

В «Бобке» — катавасия [Достоевский, 1980, с. 47], в «Божественной комедии» — упорядоченный хаос, в «Мертвых душах» — беспорядок в доме Плюшкина [Гоголь, 1951, с. 114], в «Записках из Мертвого дома» — теснота, грязь, кри-

---

⁶ Однако же есть люди, которые осознают свое разложение и страдают. «Мармеладов — труп, чувствующий и понимающий свое разложение, — труп, следящий с невыразимо-мучительным вниманием за всеми фазами того ужасного процесса, которым уничтожается всякое сходство этого трупа с живым человеком, способным чувствовать, мыслить и действовать» [Писарев, 2005, с. 132].

ки — одним словом, бедлам, в Откровении Иоанна Богослова — катаклизмы и бедствия.

Важным символом в этом контексте становится топос бани, закоптелой, пыльной, грязной, непременно с пауками и паутиной. «Прямо дантовские картины» [Тургенев, 1987, с. 393–394] появляются у Достоевского в «Записках из Мертвого дома»: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» [Достоевский, 1972, с. 98].

О бане говорит и Свидригайлов, сравнивая с ней адскую вечность:

Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде *деревенской бани*, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность.

[Достоевский, 2018, с. 307–308]

Баня буквально становится одним из очагов ада — ей испытывали героев [Пропп, 2001, с. 56]; там обитают злые демонические существа — банники, моющиеся исключительно грязной водой, стекшей с человеческих тел, запаривающие людей до смерти. В бане человек будто находится на грани жизни и смерти, пребывая в телесном бессмертии.

«Бобок», таким образом, становится одной из вариаций размышлений о посмертном существовании. Сопоставление с другими произведениями мировой литературы и мыслями о жизни после смерти, рае и аде проходит не только по аскриптивным признакам — понятно, что аду изначально приписано быть антонимичным раю и быть тем, что не-жизнь на земле, — но и по случайным, свободным аллегорическим критериям вроде беспорядочности. Ад становится не потусторонним, а человеческим посюсторонним пространством, даже более понятным и близким для простых людей, чем рай. Гораздо проще представить себе ад на земле, греховное существование, беспросветные⁷ пьянство и разврат, несвободу, разрушение и тление⁸.

Список источников

Бибихин В. В. Молчание // Бибихин В. В. Язык философии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 28–44.

⁷ В противовес просветлению Данте в раю.

⁸ В противовес «свободе, новой жизни, воскресенью из мертвых...» [Достоевский, 1972, с. 232] у Достоевского.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.]: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. I. 924 с.

Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Изд-во «Наука», 1967. 628 с. (Лит. памятники).

Достоевский Ф. М. Бобок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. Т. 21. С. 41-54.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб.: «Каравелла», 1993. 848 с. (Б-ка «Всемирная литература»).

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 4: Записки из Мертвого дома. 326 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Изд-во «Э», 2018. 592 с.

Кантор В. К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.

Кантор В. К. «Средь бурь гражданских и тревоги...»: Борьба идей в рус. лит. 40-70-х годов XIX в. М.: Худож. лит., 1988. 304 с.

Пастернак Борис. Ночь // Пастернак Борис. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. 2. С. 167–168.

Писарев Д. И. Борьба за жизнь // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М.: Наука, 2005. Т. 9. С. 118–171.

Пропл В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. 192 с.

Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 455 с.

Тургенев И. С. Письмо Ф. М. Достоевскому от 26 декабря 1861 // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1987. Т. 18. С. 393–394.

Эпштейн Михаил. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (дата обращения: 14.11.2022).

References

Bibikhin, V. V. (2002) “Molchanie” [“Silence”], in *Yazyk filosofii [The Language of Philosophy]*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur [Languages of Slavic Cultures], pp. 28–44.

Gogol', N. V. (1951) *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh. Tom 6: Mertvye dushi. I [Collected Works: 14 vols. Vol. 6: Dead Souls. I]*. [Moscow]: Akademiya nauk SSSR.

Dante, Alig'eri (1967) *Bozhestvennaya komediya [The Divine Comedy]*. Transl. by M. Lozinskii. Moscow: “Nauka” Publ.

Dostoevskii, F. M. (1972) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 4: Zapiski iz Mertvogo doma* [Collected Works: 30 vols. Vol. 4: *The House of the Dead*]. Leningrad: “Nauka” Publ.

Dostoevskii, F. M. (1980) “Bobok”, in Dostoevskii, F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 21* [Collected Works: 30 vols. Vol. 21]. Leningrad: “Nauka” Publ., pp. 41–54.

Dostoevskii, F. M. (1993) *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. St. Petersburg: “Karavella”.

Dostoevskii, F. M. (2018) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow: “E” Publ.

Epshtein, Mikhail (2005) “Slovo i molchanie v russkoi kul'ture” [“Word and Silence in Russian Culture”], *Zvezda* [The Star], 10. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (Accessed: 14 Nov 2022).

Kantor, V. K. (1988) «Sred' bur' grazhdanskikh i trevogi...»: *Bor'ba idei v russkoi literature 40–70-kh godov XIX veka* [“Amid the storms of civil and anxiety...”: *The Struggle of Ideas in Russian Literature of the 40s and 70s of the 19th Century*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Kantor, V. K. (2021) *Dve rodiny Dostoevskogo: popytka osmysleniya* [The Two Motherlands of Dostoevsky: An Attempt at Comprehension]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.

Pasternak, Boris (2004) “Noch”, in Pasternak, Boris. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 tomakh. Tom II* [Collected Works: 11 vols. Vol. 2]. Moscow: SLOVO, pp. 167–168.

Pisarev, D. I. (2005) “Bor'ba za zhizn'” [“The Struggle for Life”], in *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 tomakh. Tom 9* [Collected Works and Letters: 12 vols. Vol. 9]. Moscow: “Nauka”, pp. 118–171.

Propp, V. Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Tale]. Moscow: «Labirint» Publ.

Time, G. A. (2011) *Rossiya i Germaniya: filosofskii diskurs v russkoi literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: Philosophical Discourse in Russian Literature of the XIX–XX Centuries]. St. Petersburg: Nestor–Istoriya.

Turgenev, I. S. (1987) “Pis'mo F. M. Dostoevskomu ot 26 dekabrya 1861” [“Letter to F. M. Dostoevsky, dated 26 Dec 1861”], in *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh. Tom 18* [Collected Works and Letters: 30 vols. Vol. 18]. Moscow: “Nauka” Publ., pp. 393–394.

Информация об авторе: Е. А. Гуреева — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: E. A. Gureeva — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 14.10.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.